

Выйти из роли



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Роман Михайлов

18+

Роман Михайлов

Выйти из роли

<https://litres.ru/74541637>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Крестовский — обычный парень из Петербурга с каналом о доброте и ста тысячами подписчиков. Пока однажды не выясняется, что он умеет то, чего не может объяснить: возвращать жизнь умершим, ходить по воде, исцелять безнадежных. Страна раскалывается пополам — одни видят в нём нового мессию, другие кричат о шарлатанстве. А вместе со славой к Ивану приходит то, чего он никак не ждал: внимание, от которого невозможно спрятаться, и цена, которую нельзя не заплатить.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ — Утро блогера	4
ГЛАВА ВТОРАЯ — Леонид и Маша	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ — Илья	19
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ — Вода и водка	24
ГЛАВА ПЯТАЯ — Попытка понять	31
ЧАСТЬ ВТОРАЯ — ПЕРВАЯ СМЕРТЬ	37
ГЛАВА ШЕСТАЯ — Срыв	37
ГЛАВА СЕДЬМАЯ — Встань	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Михайлов

Выйти из роли

ГЛАВА ПЕРВАЯ — *Утро блогера*

Будильник не звонил — он вибрировал, коротко и настойчиво, где-то у левого уха, потому что телефон третий год спал не на тумбочке, а прямо на подушке, рядом с головой. Иван Крестовский открыл глаза, посмотрел в потолок — на знакомое жёлтое пятно в углу, оставшееся после прошлогодней протечки, которое он всё собирался закрасить и всё не находил ни времени, ни, если честно, желания, — и только после этого взял телефон в руки.

Было без четверти семь. За окном, там, где кончался двор с шестью одинаковыми хрущёвками и начинался проспект Ветеранов, уже шумели первые автобусы.

Иван не стал открывать почту. Не стал смотреть новости. Первым делом, ещё лёжа, большим пальцем провёл по экрану до иконки Телеграма и открыл статистику канала. Так делал каждое утро — не из тщеславия, как ему казалось, а из какого-то смутного чувства ответственности, будто там, за цифрами, стояли живые люди, и надо было проверить, что с ними всё в порядке.

96 412 подписчиков.

За ночь — плюс двести с чем-то. И полторы тысячи комментариев под вчерашним постом.

Вчерашний пост был короткий. Иван перечитал его — не потому, что забыл, а по привычке, как перечитывают письмо перед тем, как его отправить, хотя оно уже отправлено:

«Вчера видел, как парень в метро уступил место бабушке, а потом ещё и до дома её проводил, хотя ему было в другую сторону. Никто это не снимал на телефон. Просто хочу, чтобы вы знали — так тоже бывает. Обнимаю всех».

Комментарии были, как всегда, смесью — кто-то писал «спасибо, что напомнил, что люди ещё не совсем пропащие», кто-то — «Ванька, ты как Далай-лама, только с Ветеранов», а один пользователь с ником `pivo_i_dushevnost` поинтересовался, не выдумал ли он бабушку для охвата. Иван на это никогда не обижался. Он давно понял: сто тысяч человек — это не единомышленники, это просто сто тысяч человек, а значит, там есть все — и добрые, и уставшие, и злые, и те, кому просто скучно.

* * *

На кухне он разбил яйцо о край сковородки чуть сильнее, чем нужно, и половина скорлупы плюхнулась прямо в шипящее масло.

— Да чтоб тебя, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь, и полез выковыривать скорлупу вилкой.

Если бы кто-то из ста тысяч подписчиков увидел его в этот момент — не в кадре, не в тексте, а просто здесь, с сальным полотенцем через плечо, в вытянутой футболке, с трёхдневной щетиной, которую он то ли отращивал, то ли просто забывал побрить, — они бы, наверное, удивились. Не потому, что образ был фальшивым. А потому, что людям почему-то всегда хочется, чтобы человек, который пишет о добре, был добрым как-то профессионально, без пауз, без раздражения по утрам, без чертыхания над сковородкой.

Иван доедал яичницу над раковиной, чтобы не пачкать стол, и думал — не в первый раз — о том, что он вообще-то должен был стать учителем. Педагогический он закончил нормально, без троек, даже с некоторым интересом к детской психологии. Но на практике, в девятом «Б» одной из школ Кировского района, он за две недели понял то, чего ему не сказали на лекциях: что система куда быстрее ломает учителя, чем учитель — систему. Директриса требовала процент успеваемости, завуч требовала отчётность, дети требовали, чтобы их оставили в покое, а больше всего требований было к тому, чтобы Иван Крестовский, двадцатидвухлетний, никого ничему толком не научил, а просто заполнил нужные графы в электронном журнале.

Он тогда решил — может быть, наивно, зато честно, — что если он хочет делать людям добро, надо делать его напрямую, своими словами, без начальства между ним и человеком. Так появился канал.

Ещё раньше, в те же студенческие годы, по средам и субботам, он подрабатывал в маленькой столярной мастерской у метро «Ленинский проспект» — мастер Пётр Петрович, которого все называли просто Петровичем, брал студентов дешёво и заставлял их часами шкурить одну и ту же табуретку. «Не торопи дерево», — говорил Петрович, если видел, что Иван спешит. — «Дерево не терпит спешки. Оно терпит только руки».

— Надо бы съездить, — пробормотал Иван себе под нос, ополаскивая тарелку, — дерева в руках подержать.

Он давно не был у Петровича. Года три, наверное.

* * *

Пока чайник грелся, в телефоне вспыхнуло сообщение от Маши:

«О, святой отец Иоанн проснулся. Как спалось, преподобный?»

Иван усмехнулся и ответил:

«Хреново. Приснилось, что я центурион и меня разжаловали за нарушение субординации».

«Многообещающе. Расскажешь на исповеди».

«У тебя своя паства, между прочим, — целых три десятка учеников третьего класса, между прочим, тоже власть».

«Моя паства сегодня рисует египетские пирамиды гуашью, так что помолись за мой линолеум».

Маша работала учительницей начальных классов — в той самой школьной системе, из которой Иван когда-то сбежал, только у неё, кажется, получалось лучше, чем получилось бы у него: она умела не принимать всё так близко к сердцу. Они были вместе почти три года, и с самого начала между ними установился этот тон — тёплый, чуть насмешливый, без пафоса, — которым, кажется, только и можно было выдержать то, что Иван всё больше становился общественной фигурой, а не просто парнем по имени Ваня.

* * *

Из дома он вышел в начале девятого — путь до кофейни на углу занимал минут семь, мимо детской площадки с облупленной горкой, мимо ларька с шавермой, который открывался неприлично рано, мимо дворничихи тёти Гали, которая мела один и тот же кусок асфальта уже, кажется, вечность.

— Доброе утро, Иван Сергеич, — сказала тётя Галя, не отрываясь от метлы.

— Доброе, Галина Петровна.

Он один во всём дворе называл её по имени-отчеству, и ей это, кажется, нравилось.

На остановке через дорогу, там, где сходились три маршрута автобусов, стоял человек. Немолодой, лет пятидесяти, в простой серой куртке, без сумки, без телефона в руках —

просто стоял и смотрел куда-то вдоль улицы, как смотрят все, кто ждёт транспорт.

И Иван вдруг остановился.

Не потому, что человек сделал что-то странное. А потому, что на долю секунды — меньше, чем требуется, чтобы моргнуть, — у него внутри что-то узналось. Не лицо. Не одежда. Что-то за лицом и одеждой, какое-то ощущение, будто он уже видел этого человека — не на этой остановке, не в этом городе, даже не в этой... он не мог подобрать слово. Не в этой жизни, — мелькнуло у него, и он сам удивился, зачем в голову пришла именно такая формулировка.

По спине прошёл холодок, короткий и совершенно физический, как будто кто-то на секунду приоткрыл дверь в квартиру, где гуляет сквозняк.

Человек на остановке вдруг повернул голову, посмотрел прямо на Ивана — коротко, без всякого выражения, — и слегка кивнул. Так кивают случайному соседу по лестничной клетке: не здороваются, а просто отмечают, что заметили друг друга.

Подошёл автобус. Человек сел в него и уехал.

Иван постоял ещё секунду, потом тряхнул головой.

— Не выспался, — сказал он вслух, теперь уже сам себе, и пошёл дальше, к кофейне, чувствуя, как холодок в груди медленно, но не до конца, растворяется.

В кофейне — маленькой, на три столика, с кофемашиной, которая гудела так, будто вот-вот взлетит, — Иван взял американо и сел у окна отвечать на сообщения. Это тоже было частью утреннего ритуала: полчаса, иногда час, прежде чем начинался остальной день, он читал то, что писали ему подписчики в директ.

Сообщений было много, и они были очень разными.

Девушка, подписанная просто как «К.», писала, что вчерашний пост про бабушку в метро — глупо, наверное, но именно вчера вечером она думала о том, что, может быть, не стоит продолжать жить, а потом прочитала его канал и передумала, хотя бы на сегодня. Иван прочитал это дважды, отставил кофе и написал ей подробный, тёплый ответ — без шаблонных фраз, стараясь, чтобы каждое слово было настоящим, — и в конце дал номер бесплатной горячей линии психологической помощи, потому что знал: он не специалист, и обманывать себя на этот счёт не стоит.

Следом писал мужчина лет сорока, требовал «скинуть на карту хотя бы пятьсот рублей, раз ты такой добрый», и когда Иван вежливо объяснил, что канал не занимается сбором денег для частных лиц, мужчина обиделся и написал, что «весь ты фальшивка, как и все эти ваши блогеры».

Потом писал менеджер по рекламе — предлагал десять

тысяч рублей за один пост про энергетический напиток. Иван отказал, как отказывал всегда: не потому, что был против денег вообще, а потому, что чувствовал — если начать, граница начнёт двигаться, и рано или поздно окажется, что он рекламирует уже не энергетик, а что-нибудь такое, за что потом будет стыдно.

Он допил кофе, когда телефон зазвонил — не сообщение, а именно звонок, что случалось редко и почти всегда означало Леонида.

— Але, святой, — раздался в трубке знакомый, немного хрипловатый голос.

— Привет. Не называй меня так, пожалуйста.

— Как хочешь, преподобный. Слушай, погнали сегодня вечером погуляем? Погода шепчет, плюс двадцать, ни облачка.

— Рад бы, но сегодня не выйдет. Я обещал заглянуть на слёт блогеров, уже третье приглашение подряд, неудобно снова отказывать. Давай завтра?

— Слёт блогеров, — протянул Леонид таким тоном, каким говорят «налоговая». — Ладно, потерплю. Завтра так завтра. В семь у метро «Проспект Ветеранов»? Поедем в центр, погуляем по Грибоедова. Я даже трезвый буду, обещаю.

Иван усмехнулся в трубку. Это «обещаю» Леонид произносил так легко, с такой привычной самоиронией, что оно давно перестало восприниматься как тревожный звоночек:

стало просто фигурой речи, как «честное слово» у человека, который никогда ничего не крадёт.

— Договорились, — сказал Иван. — Завтра в семь.

Иван убрал телефон, посмотрел в окно — на улицу, залитую самым обычным, ничем не примечательным утренним светом, — и подумал, что ближайшие два вечера будут самыми обычными в самом обычном июле.

Он ошибался, но узнать об этом ему предстояло только через сутки.

ГЛАВА ВТОРАЯ — *Леонид и Маша*

Школа, в которой работала Маша, стояла в пяти минутах ходьбы от станции метро, и Иван, если позволяло время, любил зайти за ней ближе к концу дня — не каждый раз, чтобы не превратилось в привычку, требующую отчёта, а так, спонтанно, когда хотелось увидеть её раньше вечера.

Сегодня он пришёл к половине четвёртого и сел на скамейку у школьного двора, где уже сидели несколько бабушек и один хмурый дед с внуком-первоклассником. Минут через десять из дверей высыпала стайка третьеклашек, а следом, чуть позже, вышла и Маша — в бежевом плаще, с сумкой, из которой торчали свёрнутые в трубочку ватманы.

— О, преподобный лично почтил визитом, — сказала она, подходя. — Что случилось, паства взбунтовалась?

— Соскучился, — честно ответил Иван.

— Подозрительно человеческая причина для святого.

Он забрал у неё сумку с ватманами — оказалось, действительно пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина, довольно уверенно нарисованные гуашью, — и они пошли к метро не торопясь, тем шагом, каким ходят люди, знающие, что вечер у них общий и никуда не денется.

Маша преподавала третий класс уже четыре года и умела то, чего, как честно признавался себе Иван, не умел он сам: не растворяться целиком в чужой боли и чужом хаосе.

Тридцать детей — тоже маленькая, но толпа, тоже требующая тепла, внимания, справедливости, — и она справлялась с ней спокойно, буднично, без надрыва, каждый день заново. Иван иногда думал, что если бы у него было хоть немного её умения держать дистанцию, оставаясь при этом добрым, жизнь была бы проще. Но у него так не получалось. Он либо давал всего себя, либо не давал ничего, и середины не находил.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — сказала Маша, разглядывая его сбоку. — Всё в порядке?

— Утром странное было. Я, наверное, просто не выспался.

— Рассказывай.

Он рассказал — про остановку, про человека в серой куртке, про странное, необъяснимое чувство узнавания, про холодок в груди. Пересказывая, он сам почувствовал, что это звучит глупее, чем ощущалось на самом деле, — просто усталость, недосып, самовнушение человека, который слишком много думает о себе как о персонаже.

— Может, у тебя дежавю было, — пожала плечами Маша. — У меня на той неделе было дежавю в «Пятёрочке», я была совершенно уверена, что уже стояла в этой очереди с этой же кассиршей. Мир не рушится.

— Наверное, ты права.

— Я всегда права, преподобный. Это моя главная добродетель.

Он улыбнулся, и холодок, оставшийся с утра где-то на дне груди, окончательно растворился.

* * *

С Леонидом Иван познакомился на первом курсе, в День первокурсника — праздник на площади перед главным корпусом, который старшекурсники каждый сентябрь превращают в квест: команды новичков ходят по станциям, выполняют задания и за каждое получают по строчке «студенческой клятвы». Леонид, попавший в соседнюю команду, отказался участвовать уже на второй станции. Там на асфальте мелом была нарисована «река знаний», которую полагалось преодолеть всей цепочкой, взявшись за руки и прыгая в такт. Он сел в стороне на ступеньки, закурил, и когда куратор попытался его пристыдить, спокойно ответил: «Я не перепрыгиваю реки, которых нет. Из принципа». Ивану, который в этот момент сам чувствовал себя нелепо, стоя в цепочке за руки с малознакомыми людьми, эта фраза показалась настолько точной, что он вышел из строя и подсел к Леониду на ступеньки. Они проговорили до самого вечера — и остались, к слову, без половины клятвы.

Леонид был из тех людей, рядом с которыми становится легче дышать — не потому, что он был безоблачным, а потому, что он умел смеяться над тем, над чем другие привыкли серьёзничать, и делал это без злобы, скорее с усталой неж-

ностью к миру. Он ушёл после третьего курса — не из-за отчисления, просто решил, что диплом ему ничего не даст, — и с тех пор перебивался случайными заработками: то администратором в баре, то курьером, то, полгода назад, монтажёром коротких роликов для мебельного магазина.

У него была одна особенность, о которой в институте знали немногие, а сейчас, кажется, знали все, кто был рядом с ним достаточно долго: время от времени, обычно после особенно тяжёлых недель, Леонид «отпускал вожжи», как он сам это называл. Не запоем, не постоянно — скорее эпизодически, приступами, которые начинались, по его словам, «когда голова становится слишком громкой».

Иван видел это своими глазами дважды за последний год. Оба раза — примерно одинаково: сначала Леонид становился чуть более оживлённым, чем обычно, слишком быстро смеялся собственным шуткам, потом пропадал на день-два из чатов, не отвечал на звонки, а когда объявлялся снова, был тихим, немного виноватым и очень уставшим, будто только что вернулся из долгой и не самой удачной командировки.

Последний раз это было две недели назад. Иван приехал к нему без предупреждения — Леонид не отвечал на сообщения третий день, — и застал его сидящим на кухне в одних трусах, с закрытыми глазами, покачивающимся под музыку, которая играла в наушниках. На столе стояла грязная посуда трёхдневной давности и лежало ещё кое-что, чего Иван, вой-

дя, старался не разглядывать в подробностях — не из брезгливости, а потому что подробности были не важны, важно было только то, что его лучший друг сидел на кухне, не замечая его, где-то очень далеко от собственного тела.

Иван тогда не читал нотаций. Он просто вымыл посуду, открыл окно, сварил кофе и сел рядом, дожидаясь, пока Леонид вернётся оттуда, где был. Когда тот наконец открыл глаза и увидел Ивана, он смутился — по-настоящему, не притворно — и сказал только: «Прости, что ты это видишь». Иван ответил, что видеть — это не то же самое, что осуждать, и что он никуда не денется. Больше они это не обсуждали.

Он давно перестал пытаться «спасти» Леонида проповедями. Понял ещё год назад: слова, которые прекрасно работали в постах для ста тысяч незнакомых людей, оказывались совершенно бессильны перед одним конкретным, любимым человеком, который решал что-то в собственной голове способом, не поддающимся уговорам. Иван мог только быть рядом. И быть рядом — это было единственное, что он умел делать по-настоящему хорошо, лучше, чем писать посты.

* * *

Когда они с Машей вышли из метро уже недалеко от её дома, она вдруг спросила, без всякого перехода, как будто мысль давно вертелась и наконец созрела для вопроса:

— Вы сегодня гуляете с Лёней?

— Не сегодня, завтра, в семь. Сказал, что трезвый будет.

— Он всегда так говорит.

— Он всегда и есть трезвый, когда так говорит, — Иван пожал плечами. — Просто не всегда остаётся трезвым надолго.

Маша посмотрела на него долгим взглядом — не осуждающим, скорее оценивающим, будто прикидывала, стоит ли договаривать мысль до конца.

— Ты слишком много на себя берёшь, Вань. С этими твоими ста тысячами людей в телефоне и с одним живым Лёней, который у тебя под боком. Иногда я думаю, что тебе кажется, будто ты обязан вытащить вообще всех.

— А что, лучше никого не вытаскивать?

— Лучше иногда вспоминать, что ты не спасатель. Ты просто хороший парень, который умеет писать душевные посты. Это тоже немало, между прочим.

Иван промолчал — не потому, что не согласился, а потому, что не был до конца уверен, что она права, и не хотел спорить на пустом месте. Они дошли до её подъезда, он поцеловал её на прощание, пообещал написать, как всё пройдёт, и пошёл домой — переодеться перед слётом блогеров и, может быть, наконец-то ответить ещё на десяток сообщений в директе, прежде чем короткий летний вечер утянет его совсем в другую, куда менее предсказуемую сторону.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ — *Илья*

Приглашение пришло за неделю до этого в личку — вежливое, с логотипом какого-то маркетингового агентства: «Открытая встреча петербургских блогеров и лидеров мнений. Нетворкинг, обмен опытом, фуршет». Иван обычно такие приглашения пролистывал не задумываясь, но это было третье за месяц от одних и тех же организаторов, и он решил, что неудобно снова отказывать — тем более что событие проходило в лофте на Васильевском, а в центр он давно собирался выбраться, пусть даже дорога с Ветеранов занимала почти час.

Он не любил подобные мероприятия. Не потому, что презирал коллег по цеху — среди блогеров попадались вполне живые, настоящие люди, — а потому, что сама атмосфера таких вечеров, с их визитками, беджами и фразами вроде «а какой у вас охват», казалась ему противоположностью того, чем он вообще-то занимался. Но он пришёл, взял бокал апельсинового сока у барной стойки и минут двадцать простоял у окна, разглядывая крыши Васильевского острова и думая, через сколько приличных минут можно будет уйти.

Именно тогда к нему подошёл невысокий, аккуратно одетый парень лет двадцати пяти, в тонких очках без оправы и с той специфической лёгкостью в движениях, которая бывает у людей, привыкших знакомиться быстро и по делу.

— Иван, да? Крестовский? — он протянул руку. — Илья. Я слежу за вашим каналом уже, наверное, год. Если не больше.

— Приятно, — Иван пожал руку. — А вы чем занимаетесь?

— Немного веду свой канал, немного консультирую — помогаю ребятам с продвижением, упаковкой, стратегией. Ничего такого масштабного, как у вас, но кручусь в теме плотно.

Он говорил быстро, но не суетливо — скорее с той отработанной лёгкостью, с какой опытные продавцы произносят презентацию продукта в сотый раз, при этом умудряясь звучать так, будто говорят это впервые в жизни и именно вам. Иван, честно говоря, ожидал разговора минуты на три — вежливый обмен репликами и разбегание по своим углам, — но Илья оказался на удивление внимательным собеседником: слушал, не перебивая, задавал точные вопросы, смеялся именно там, где было смешно, а не там, где полагалось.

— Знаете, что меня зацепило в вашем канале? — сказал

Илья, чуть понизив голос, будто делился чем-то личным. — Не тексты даже. Тексты у многих неплохие. Меня зацепило то, что вы ни разу — вот вообще ни разу — не попросили ничего взамен. Ни донатов, ни рекламы откровенно мусорной. В нашей нише это, — он покачал головой, будто сам не верил собственным словам, — большая редкость. Практически ископаемое.

— Мне это просто не нужно, — пожал плечами Иван. — Я по другой причине этим занимаюсь.

— Вот именно! — Илья щёлкнул пальцами, будто Иван подтвердил какую-то важную для него теорему. — Вот именно поэтому у вас такой отклик. Люди же не дураки, они за версту чувствуют, когда их разводят, а когда с ними говорят по-настоящему. У вас — по-настоящему. Это огромный потенциал, вы вообще это осознаёте?

Слово «потенциал» он произнёс с особенным нажимом — не грубо, даже, наоборот, мягко, но так, что оно на секунду повисло в воздухе отдельно от остальной фразы, как будто именно ради него всё и говорилось. Иван этого не заметил. А если бы кто-то из читателей канала — скажем, тот самый пользователь `pivo_i_dushevnost`, привыкший во всём подозревать подвох, — стоял рядом и слышал этот разговор, он бы, наверное, насторожился именно на этом слове.

— Какой потенциал? — спросил Иван скорее из вежливости, чем из интереса.

— Ну смотрите. Сто тысяч живых подписчиков, которые

вам реально доверяют, — это в наше время дороже, чем миллион ботов у любого блогера-миллионника. Вы могли бы делать столько всего полезного — не для себя, я же понимаю, вам самому ничего не надо, — но, условно, благотворительные сборы, просветительские проекты, коллаборации с действительно хорошими инициативами. Просто это нужно немного... — он на секунду замялся, подбирая слово, — упаковать. Организовать. Чтобы энергия не уходила в песок.

* * *

Разговор продолжался ещё минут пятнадцать, и в какой-то момент к ним присоединились ещё двое — девушка, ведущая канал про осознанное потребление, и парень, снимающий обзоры на техноновинки, — и беседа расплзлась на общие темы, алгоритмы, изменения в правилах монетизации, чью-то свежую скандальную историю с накрученными просмотрами. Илья в этой компании держался легко, всех знал по именам, шутил уместно, ни разу не выглядел человеком, который что-то выпрашивает или навязывает.

Уходя в начале одиннадцатого, Иван поймал себя на мысли, что вечер оказался не таким утомительным, как он ожидал — и что Илья, пожалуй, единственный из присутствующих, с кем действительно было интересно разговаривать. У выхода тот догнал его, уже в куртке, и, протягивая визитку — простую, белую, только имя и номер телефона, без затей-

ливого логотипа, — сказал напоследок:

— Слушайте, я серьёзно говорю, а не просто светский треп развожу. Если когда-нибудь захотите — не обязательно сейчас, вообще когда угодно — что-то организовать по-крупному, дайте знать. Я в этом смысле, и мне правда было бы в кайф помочь именно вам, а не очередному инфоцыгану с курсом по манифестации денег.

Он улыбнулся — открыто, без всякой наигранности, — и Иван, пряча визитку в карман куртки, подумал, что, кажется, наконец-то встретил в этой суетливой блогерской тусовке человека, которому действительно есть дело до сути, а не только до цифр.

Он не заметил — да и с чего бы ему было замечать, — что за весь вечер Илья ни разу не спросил его ни о чём личном: ни как он себя чувствует под тяжестью чужого внимания, ни трудно ли отвечать на письма людей в кризисе, ни где он вообще берёт силы. Только — сколько подписчиков, какой охват, какой потенциал.

Визитка так и осталась лежать в кармане куртки — вместе с чеком из кофейни и открытой пачкой жвачки — до того самого дня, спустя месяц с небольшим, когда Илья сам напомнит о себе, уже в совсем других обстоятельствах.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

— *Вода и водка*

Леонид, вопреки обыкновению, действительно пришёл трезвым — Иван понял это сразу, ещё у входа в метро «Перспект Ветеранов», по тому, как ровно тот держал спину и как чисто, без всякой лишней бравады, поздоровался. Было около семи, солнце ещё стояло высоко — в июле в Петербурге вечера тянутся долго, будто город сам не хочет отпускать день. В «Пятёрочке» у выхода из метро они взяли две бутылки воды: Леонид — газированную, себе, а Ивану досталась литровая простая, негазированная, в прозрачной бутылке с синей этикеткой. Потом была почти сорокаминутная дорога через весь город — красной веткой до «Технологического института», пересадка, ещё одна станция до «Сенной», — и они вышли на поверхность уже в центре, где вечер пах нагретым камнем и рекой, и пошли не спеша к каналу.

— Смотри, погода-то какая, — сказал Леонид, задирая голову к небу, где не было ни единого облака. — Прям преступление сидеть дома.

— Как работа, кстати? Ещё монтируешь ролики про кухни?

— Монтирую. Вчера три часа резал видео, где мужик хвалит фурнитуру для шкафов-купе. Три часа, Ваня. Про петли

для дверей.

— Ну хоть платят вовремя?

— Платят. Вопрос в том, сколько ещё я готов отдавать жизнь петлям для шкафов.

Они говорили ни о чём — о петлях, о погоде, о том, что в институте на пятом курсе преподаватель истории Древнего мира так и не поставил зачёт половине группы, — тем неспешным разговором старых друзей, который не требует смысла, а требует только присутствия. Канал Грибоедова тянулся слева, тёмная спокойная вода отражала фасады, немногочисленные туристы фотографировались у решёток, где-то вдалеке играл уличный музыкант — саксофон, что-то простое и немного грустное.

* * *

Компанию они заметили ещё издалека: трое мужчин неопределённого возраста сидели на парапете набережной чуть в стороне от туристов, в тени высокого дома, куда низкое вечернее солнце уже не доставало. По виду — те самые завсегдатаи, каких в любом крупном городе можно встретить у каждого второго ларька: обветренные лица, слишком много одежды для тёплого вечера, одинаковая, узнаваемая издалека нетвёрдость движений.

Когда Иван с Леонидом поравнялись, один из них — плотный, лысоватый, в растянутой олимпийке — привстал

и, стараясь придать голосу максимум достоинства, какое ещё оставалось, произнёс:

— Мужики, извините, что тревожу. Не найдётся полтинник? Не на еду прошу, сразу скажу честно, — на водку. Похмелье лютое, спасайте, а то помру тут у вас на глазах.

Двое других за его спиной глухо засмеялись, кто-то из них добавил: «Он у нас честный, зараза, никогда не соврёт про цель». Леонид тоже усмехнулся и уже полез в карман — не потому, что верил, что это разумно, а из чистой симпатии к такой прямоте, — но Иван вдруг остановил его.

Он посмотрел на этого человека — на лысоватого, с покрасневшими глазами, в олимпийке, которая, наверное, лет пять назад была приличной спортивной курткой, а теперь превратилась в форму отчаяния, — и почувствовал ту самую жалость, которая накрывала его всегда в подобные моменты: не брезгливую, не снисходительную, а какую-то очень простую, почти детскую жалость к человеку, которому плохо прямо сейчас, вот в эту минуту, на этой набережной.

— Денег у меня с собой нет, — сказал Иван, и это было правдой: карточка осталась в кармане куртки, а мелочи не завалилось. — Но вот, держите.

Он протянул свою бутылку воды — литровую, полную, ещё даже не открытую, с каплями конденсата на прозрачных стенках.

— Пейте. Вот водка.

Секунду все трое смотрели на него молча, потом лысо-

ватый первым захохотал — искренне, широко, показывая нехватку двух передних зубов.

— Ох, шутник, — сказал он, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Ну ты выдал. Хоть насмешил, братан.

— Пейте, серьёзно говорю, — повторил Иван, всё ещё протягивая бутылку. — Не обманываю.

Один из молчавших до этого — худой, в тельняшке под расстёгнутой курткой, — покачал головой, забавляясь: «Ладно, где наша не пропадала», взял бутылку, свинтил крышку с тем особым, до автоматизма отработанным движением, каким открывают только одну на свете жидкость, поднёс к лицу — и вдруг замер.

Леонид потом рассказывал, что первым делом заметил именно это — как у мужика в тельняшке дёрнулось лицо, будто он унюхал что-то, чего никак не ожидал унюхать от простой воды.

— Э... — сказал он неуверенно, всё ещё держа бутылку у самого носа. — Погодите.

Он сделал глоток. Потом ещё один, уже медленнее, будто проверяя себя. Потом опустил бутылку и посмотрел на неё так, как смотрят на предмет, который только что противоречил всему, что человек знал об устройстве мира.

— Это... — он сглотнул. — Мужики, это водка.

— Да иди ты, — лысоватый выхватил у него бутылку, понюхал, тут же отшатнулся, будто обжёгся, и сам сделал глоток. Лицо у него на секунду стало совершенно детским от

изумления.

— Это водка, — повторил он, уже другим голосом, без всякой насмешки. — Это реально водка, бя.

Третий, самый молчаливый из троих, тоже потянулся к бутылке, попробовал, закашлялся, и все трое замерли, глядя то на бутылку, то друг на друга, то — с уже проступающим на лицах суеверным страхом — на Ивана.

— Ты... ты как это? — выдавил лысоватый. — Это как вообще?

Иван и сам стоял неподвижно, чувствуя, как по спине снова пробегает тот самый холодок, что был вчера утром на остановке — только теперь куда сильнее, куда ближе к настоящему страху. Он не знал, что сказать. Он не понимал, что произошло. Секунду назад в его руках была обычная вода из «Пятёрочки», купленная за двадцать шесть рублей, — а теперь трое незнакомых людей смотрели на него так, будто он только что сотворил что-то за пределами человеческих возможностей, и, судя по их лицам, они были правы.

— Пейте, — повторил он тихо, уже без всякой уверенности в голосе, просто потому что не нашёл других слов, — и пошли, Лёня.

Он взял Леонида за рукав и почти силой потянул его дальше по набережной. Леонид не сопротивлялся — он шёл, оглядываясь через плечо, с абсолютно белым лицом, и молчал, кажется, впервые за весь вечер, не находя ни одной шутки.

Они прошли метров сто, прежде чем Леонид наконец заговорил — тихо, каким-то не своим, севшим голосом:

— Ваня. Ваня, ты как это сделал?

— Не знаю.

— Это была вода. Ты при мне её в магазине покупал, я видел этикетку, это была обычная, блин, вода.

— Я знаю.

— И она стала водкой.

— Я знаю, Лёня.

Они остановились у парапета, глядя на тёмную воду канала, и какое-то время молчали — оба, каждый по-своему, пытаясь удержать в голове только что произошедшее так, чтобы оно не рассыпалось и не показалось галлюцинацией, общей на двоих, что само по себе было бы страннее, чем правда.

— Может, бутылка была паленая, — сказал наконец Леонид без всякой уверенности. — Ну, знаешь, контрафакт какой-нибудь, подменили на заводе, разлили водку в тару из-под воды.

— Лёня, я сам крышку не откручивал. Я протянул закрытую бутылку. Он сам её открыл при нас.

— Тогда я не знаю, — тихо сказал Леонид. — Я реально не знаю, что это было.

Иван тоже не знал. Он посмотрел на свои руки — обыч-

ные руки, чуть шершавые с тыльной стороны от многолетней привычки грызть заусенцы, — и не почувствовал в них ничего необычного. Ни тепла, ни покалывания, ни хоть какого-то знака, что именно через них полчаса назад прошло что-то, не укладывающееся в законы физики и химии.

— Никому не говори, — сказал он, помолчав.

— Да кто мне поверит, — хмыкнул Леонид, но смех вышел не тем, обычным его смехом, а каким-то нервным, отрывистым.

Они ещё погуляли, не сговариваясь повернув к метро раньше обычного, — вечер, который должен был быть самым обычным, ничем не примечательным вечером в августе, закончился рано, в тишине, с ощущением, будто мир, который они оба знали всю жизнь, только что дал тонкую, едва заметную трещину. Ни один из них тогда ещё не догадывался, что трещина эта уже не затянется, а через считанные недели превратится в разлом, который будет виден со всей страны.

ГЛАВА ПЯТАЯ — *Попытка понять*

Три дня после того вечера Иван никому ничего не рассказывал — ни Маше, ни, тем более, в канал, — и все три дня прожил с одним и тем же навязчивым чувством, будто внутри у него завёлся посторонний шум, вроде гула в проводке, который не слышен снаружи, но не даёт покоя изнутри.

На второй день он не выдержал и решил проверить.

Купил в том же магазине ту же самую воду — простую, негазированную, литровую, в прозрачной бутылке с синей этикеткой, — принёс домой, поставил на кухонный стол и сел напротив, глядя на неё так, как смотрят на прибор, от которого ждут показаний.

Стань водкой, — сказал он вслух, чувствуя себя одновременно глупо и жутко. Потом, помолчав, добавил тише: — Пожалуйста.

Ничего не произошло. Вода осталась водой — он даже открыл бутылку и понюхал, просто чтобы окончательно убедиться, — обычной, чуть отдающей пластиком водой без всякого намёка на спирт.

Он посидел ещё минут двадцать, пробуя разные варианты — просил тише, просил громче, пробовал не просить вслух, а просто представлять; один раз, чувствуя себя уже совсем нелепо, зачем-то зажмурился и досчитал до десяти, как в детской игре. Вода не поддавалась ни одному из способов.

Единственное, что случилось за весь этот домашний эксперимент, было настолько незначительным, что он не сразу это заметил: стоявший на подоконнике фикус, который он неделями забывал поливать и который уже начал сбрасывать нижние жёлтые листья, к вечеру выглядел чуть более свежим, чем утром. Иван списал это на случайность — может, просто утренний свет так падал, может, показалось, — и решил, что размышлять о фикусе было бы уже совсем перебором даже для человека, три дня назад превратившего воду в водку на глазах у троих незнакомцев.

* * *

К врачу он записался под предлогом, который отчасти был правдой: последние дни у него действительно побаливала голова, тупо и невнятно, где-то в области затылка, и он решил, что раз уж всё равно нужно с кем-то поговорить о происхождении, начать стоит с исключения самого скучного и самого вероятного объяснения — что он просто болен.

Невролог, женщина лет пятидесяти с усталыми, но внимательными глазами, приняла его в районной поликлинике неподалёку от дома. Иван рассказал про головную боль, про то, что в последнее время плохо спит, про смутную тревожность — и намеренно не рассказал ни про бутылку, ни про троих мужчин на набережной, потому что заранее знал, как это будет звучать, и не готов был это озвучивать вслух по-

стороннему человеку в белом халате.

Она посветила фонариком ему в глаза, спросила про зрение, про давление, про то, не злоупотребляет ли он кофеином, выслушала сердце, заставила пройти несколько простых неврологических тестов — коснуться пальцем носа с закрытыми глазами, пройти по прямой линии, — и в итоге сказала то, что он в глубине души и ожидал услышать:

— По всем показателям вы совершенно здоровы. Голова, скорее всего, от недосыпа и стресса — вы говорите, что ведёте блог с большой аудиторией, это тоже нагрузка, хоть и не физическая. Порекомендую невролога другого профиля, если симптомы не пройдут, но пока — режим сна, поменьше экрана перед сном, побольше воды.

Последнее слово — «воды» — она произнесла совершенно нейтрально, без всякого умысла, но Ивана оно почему-то задело так, будто она знала что-то, чего знать не могла.

— Спасибо, — сказал он, поднимаясь. — А... галлюцинации какие-нибудь такое обследование может выявить? Ну, если бы они были.

Врач посмотрела на него чуть внимательнее.

— У вас есть галлюцинации?

— Нет-нет, — быстро сказал он. — Просто спросил. Из общего интереса.

Она чуть улыбнулась — той профессиональной улыбкой, которая означает «я не буду настаивать, но я всё поняла» — и сказала, что если что-то будет беспокоить всерьёз, сто-

ит обратиться уже не к неврологу, а к психотерапевту, и что в этом нет ничего постыдного, особенно для человека с таким объёмом ответственности перед аудиторией. Иван кивнул, поблагодарил ещё раз и вышел из кабинета с тем же гулом внутри, с каким пришёл, только теперь к нему добавилось лёгкое чувство стыда за то, что он вообще на что-то надеялся.

* * *

Вечером того же дня он написал Леониду — просто спросить, как тот, не передумал ли, не решил ли, что всё это было общим наваждением, вызванным жарой и усталостью. Леонид ответил коротко: «Я норм. Стараюсь не думать. Получается через раз». Больше они эту тему не поднимали ни в тот день, ни в следующие — как будто оба, не сговариваясь, решили, что если не произносить это вслух, то и держать в голове будет легче.

Маше он тоже ничего не сказал. Не потому, что не доверял, а потому, что не знал, с чего начать фразу, которая не звучала бы как розыгрыш или как начало нервного срыва. «Слушай, я тут случайно превратил воду в водку» — такое не говорят человеку, с которым встречаешься, не имея хотя бы примерного объяснения, что делать дальше.

Он лёг спать поздно, уже за полночь, вымотанный не физически, а тем особым видом усталости, которая приходит

от долгого и безрезультатного взглядывания в самого себя.

* * *

Ему снова приснился плац.

Не размыто, не абстрактно — очень чётко, до деталей: пыльная утоптанная земля, ряды людей в кожаных доспехах с металлическими пластинами на груди, запах пота, кожи и чего-то ещё, горького, похожего на дым от костра. Он стоял в этом строю — и одновременно был не собой, а кем-то другим, чужим и в то же время до странности знакомым изнутри. У него на поясе висел короткий меч, рукоять была тёплой от долгого сжимания ладонью, а где-то рядом другой голос, грубый, хриплый, произносил слова команды на языке, которого Иван никогда не учил, но почему-то понимал каждое слово.

«Nunc bibite», — сказал этот голос, и Иван — или тот, кем он был во сне, — усмехнулся какой-то мрачной, совсем не своей усмешкой, и поднял флягу к губам.

Он проснулся резко, будто вынырнул, весь мокрый от пота, простыня прилипла к спине. Сердце колотилось так, что было слышно в ушах. Несколько секунд он лежал неподвижно, глядя в тёмный потолок, туда, где днём было видно жёлтое пятно от протечки, и пытался понять, что именно ему снилось.

Через минуту он уже не мог вспомнить почти ничего —

только смутное ощущение пыли, кожи и чужого, совершенно не своего спокойствия перед лицом чего-то, что должно было пугать. Ни лиц, ни слов, ни даже уверенности, что это был именно сон, а не что-то ещё, чему он пока не знал названия.

— Бред какой-то, — пробормотал он в темноту, перевернулся на другой бок и попытался снова заснуть, так и не вспомнив ни слова на латыни, ни фляги, ни плаца.

К утру не осталось вообще ничего, кроме лёгкой, необъяснимой тяжести где-то в груди — как будто ночью он не спал, а нёс что-то тяжёлое очень долгий путь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — *ПЕРВАЯ СМЕРТЬ*

ГЛАВА ШЕСТАЯ — *Срыв*

Три недели после случая на набережной прошли на удивление тихо. Иван почти уговорил себя, что дальше ничего подобного не повторится — может быть, произошедшее было каким-то разовым сбоем мироздания, случайностью, у которой нет ни причины, ни продолжения, — и постепенно вернулся к обычному ритму: канал, ответы подписчикам, вечера с Машей, редкие встречи с Леонидом, который в эти недели держался ровно, разговаривал бодро и ни разу не заводил речь о той бутылке.

Именно эта тишина, как потом скажет себе Иван, и была самой обманчивой частью всей истории.

* * *

Началось всё с сообщения в среду вечером — Леонид написал в общий чат с Машей что-то не то шутовское, не то бессвязное, про то, что «жизнь — это петля для шкафа-купе, а я всего лишь фурнитура», с тремя восклицательными зна-

ками и смайликом, который совсем не подходил по смыслу. Маша, увидев это, сразу написала Ивану лично:

«Он сегодня какой-то не такой. Ты с ним говорил?»

«Нет ещё. Спишу на усталость», — ответил Иван, хотя внутри что-то уже неприятно сжалось.

В четверг Леонид не вышел на связь вообще. В пятницу утром коротко ответил на звонок — голос был смазанный, слишком медленный для середины дня, — сказал, что приболел, что «ничего страшного, само пройдёт», и отключился раньше, чем Иван успел спросить что-то ещё.

К субботе Иван решил, что тянуть больше нельзя, и поехал к нему без предупреждения, как делал это уже не раз.

* * *

Дверь открылась не сразу — сначала долгая возня с замком, потом Леонид появился на пороге, щурясь от дневного света, будто не видел его несколько дней подряд, что, вероятно, было не так уж далеко от правды. Он выглядел хуже, чем в тот раз на кухне: осунувшийся, с серым, нездоровым цветом лица, в той же футболке, что, судя по запаху, была на нём уже не первый день.

— О, — сказал он, силясь улыбнуться привычной своей улыбкой, которая на этот раз получилась кривой и вымученной. — Пастырь пожаловал с обходом.

— Можно войти?

— А то ты спрашивал когда-нибудь.

Квартира была в том состоянии, которое Иван научился узнавать издали, ещё с порога: задёрнутые шторы среди дня, немытая посуда, разбросанные по полу вещи, тяжёлый, спёртый воздух непроветренной комнаты. На журнальном столике в гостиной стояла початая бутылка виски и лежало то же самое, что и в прошлый раз, — уже без всякой попытки спрятать или убрать.

— Лёня, это уже не эпизод, — тихо сказал Иван, глядя на стол. — Это уже... сколько, неделя?

— Четыре дня, — механически поправил Леонид, будто цифра имела для него какое-то самостоятельное значение, отдельное от того, что она обозначала. — Не неделя. Четыре дня.

— Какая разница.

— Для меня — большая, — вдруг резко ответил Леонид, и в его голосе впервые за весь разговор прорезалось раздражение. — Знаешь что, не начинай сегодня, а? У меня и без твоих проповедей голова разваливается.

Иван не ожидал такой резкости и на секунду замолчал, подбирая слова аккуратнее.

— Я не проповедую. Я испугался за тебя.

— Не надо за меня пугаться. Я взрослый человек, — Леонид опустился на диван, потёр лицо ладонями. — Просто неделя была тяжёлая. Пара заказов сорвалась, денег нет, а тут ещё это... — он неопределённо махнул рукой в сторону

стола, будто речь шла о чём-то постороннем, случайно оказавшемся в комнате без его участия.

* * *

Через час приехала Маша — Иван написал ей, не зная, чем ещё помочь, кроме как позвать ещё одного человека, которому Леонид доверял. Она вошла, окинула комнату быстрым учительским взглядом, каким привыкла оценивать состояние тридцати детей за секунду, и, не тратя времени на предисловия, начала собирать грязные тарелки, открывать окна, наводить хоть какой-то порядок — не потому, что верила, что чистая квартира решит проблему, а потому, что не могла сидеть без дела рядом с чужой бедой.

Леонид какое-то время наблюдал за этим молча, потом вдруг сказал, глядя в стену перед собой:

— Вы оба тут, как два ангела-хранителя, честное слово. Прилетели спасти грешника.

— Никто тебя не спасает, дурак, — ответила Маша, не оборачиваясь. — Мы просто не хотим, чтобы ты сдох в одиночестве в грязной квартире, это немного другое.

Слово «сдох» повисло в комнате слишком тяжело для такой обычной, бытовой интонации, с которой оно было сказано, и на секунду все трое замолчали.

— Простите, — тихо сказал Леонид. — Я правда не специально. Просто иногда голова становится слишком гром-

кой, и я не знаю, как её выключить, кроме как... вот так.

— А со мной поговорить? — спросил Иван, стараясь, чтобы вопрос прозвучал не как упрёк. — Я всегда на связи. Ты знаешь.

— И что ты мне скажешь, Вань? — Леонид впервые за разговор посмотрел ему прямо в глаза, и в этом взгляде было не раздражение уже, а какая-то усталая, почти нежная горечь. — Что всё будет хорошо? Что нужно верить в добро? Я в твой канал не подписан, если что. Мне двадцать пять минут твоих постов не заменят того, что выключает эту дурацкую голову за десять секунд.

Иван не нашёлся, что ответить. Он вдруг с абсолютной, физически ощутимой ясностью понял то, о чём смутно догадывался уже давно: всё, чем он владел — слова, тепло, сто тысяч подписчиков, вера в то, что доброе намерение способно что-то изменить, — рассыпалось в ноль перед этой конкретной, сидящей на диване бедой одного конкретного, самого близкого ему человека. Он мог утешить незнакомку в директе, которая думала о суициде. Но не мог ничего сделать с Леонидом, кроме как быть рядом и смотреть.

— Тогда я просто останусь, — сказал он наконец. — Не буду ничего говорить. Просто останусь, пока тебе не полегчает.

Леонид долго молчал, потом кивнул, и что-то в его плечах немного отпустило — не решение проблемы, но хотя бы временное перемирие с собственной головой.

Они остались втроем до позднего вечера — Маша заказала еду, которую Леонид почти не ел, Иван включил какой-то старый фильм, который никто толком не смотрел, просто для фонового шума, заглушающего тишину. Уходя около полуночи, Иван на пороге ещё раз посмотрел на друга — тот уже клевал носом на диване, устало и почти спокойно, — и подумал, что, кажется, самое страшное позади, что это снова будет как в прошлый раз: несколько тяжёлых дней, а потом медленное, но верное возвращение.

— Ты как? — спросил он напоследок.

— Нормально, — пробормотал Леонид, не открывая глаз.

— Иди домой, пастырь. Со мной всё будет в порядке.

Иван вышел на лестничную клетку, тихо прикрыл за собой дверь и поехал домой, унося с собой то самое чувство бессилия, которое не отпускало его весь день, — и ни одной, даже самой смутной мысли о том, что это «нормально» было последним, что он услышит от Леонида в этой квартире.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ — *Встань*

В понедельник Леонид не ответил ни на одно сообщение. Иван написал утром — обычное, ничего не значащее «как ты, живой?» — и не получил ответа ни днём, ни вечером. Во вторник он позвонил трижды, и все три раза длинные гудки уходили в пустоту. Он сказал себе, что это ничего не значит: Леонид и раньше пропадал на день-два, отсыпаясь после тяжёлых недель, и объявлялся потом сам, слегка виноватый, но живой.

Но в среду, ближе к обеду, необъяснимая тревога стала настолько плотной, что Иван бросил все дела — не дописал пост, не ответил на десяток сообщений в директе — и поехал через весь город, ничего не сказав даже Маше, потому что не хотел тревожить её раньше времени, если тревога окажется пустой.

* * *

Он увидел карету скорой помощи ещё из окна маршрутки, за квартал до дома Леонида — жёлто-красную, с открытыми настежь задними дверями, припаркованную прямо у бордюра с небрежностью, свойственной только настоящей спешке. Сердце у него ухнуло вниз ещё до того, как разум успел выстроить хоть какую-то логическую цепочку между скорой и

Леонидом: это могла быть чья угодно скорая, у кого угодно из соседей, мало ли что случается в доме на сто с лишним квартир.

Но когда он подбежал ближе, к подъезду уже начала стягиваться небольшая толпа — соседи в тапочках, кто-то с собакой на поводке, женщина с пакетами из магазина, замершая на полпути домой, — и все они смотрели в одну точку, на двери подъезда, с тем особым, ничем не прикрытым любопытством, каким смотрят на чужую беду, когда она внезапно оказывается прямо перед глазами.

— Что случилось? — спросил Иван у первого попавшегося, чувствуя, как немеют губы.

— Да там соседа моего, — сказал мужчина средних лет, не отрывая взгляда от подъезда. — На лестничной площадке нашли. Из квартиры вышел, в куртке, ключи в руке, — и до лифта не дошёл, повалился. Соседка «скорую» вызвала, да пока ехали... — он махнул рукой и понизил голос: — Известно, зачем в таком виде из дома выходил. За очередной дозой, куда ещё.

В этот момент двери подъезда распахнулись, и из них вышли двое санитаров в синей форме, неся между собой носилки. На носилках, накрытое до подбородка серой простыней, лежало тело — и по одной только форме плеч, по тому, как знакомо на подушке лежала голова с растрёпанными тёмными волосами, Иван понял, кто это, ещё до того, как санитары подошли ближе.

Он рванулся вперёд, расталкивая толпу локтями, не разбирая, кого толкает.

— Лёня! — крикнул он, и голос вышел чужим, сорванным, не своим. — Лёня, это же... стойте, подождите!

Один из санитаров — молодой, уставший, с тёмными кругами под глазами, будто это был далеко не первый вызов за смену, — попытался остановить его на подходе.

— Молодой человек, отойдите, пожалуйста, дайте нам...

— Это мой друг! Что с ним?!

Санитар на секунду замялся, потом сказал тише, чуть виновато, будто сам не был готов произносить это вслух так буднично, среди толпы зевак:

— Соболезную. Похоже, передозировка. Мы приехали минут через двадцать после вызова, но он уже не дышал: сердце остановилось прямо на площадке, до нашего приезда.

* * *

Дальше Иван почти не помнил себя. Он стоял перед носилками, а мир вокруг него как будто отступил на второй план, потерял звук, превратился в размытое пятно из чужих лиц, форменной одежды, жёлтого борта машины скорой помощи. Он видел только серую простыню, из-под которой торчали пряди тёмных волос Леонида — тех самых волос, которые тот вечно взлохмачивал, рассказывая очередную шутку про петли для шкафов, — и не мог заставить се-

бя поверить, что под этой простынёй лежит уже не человек, а тело.

Кто-то из соседей — молодой парень в спортивных штанах, стоявший чуть в стороне, — уже поднял телефон и снимал происходящее, не особо стесняясь: подобные сцены давно стали в порядке вещей для тех, кто привык фиксировать любое городское происшествие в надежде на вирусный ролик. Иван этого не замечал вовсе. В ту секунду для него не существовало ни толпы, ни телефонов, ни всего остального мира — только эта простыня и абсолютная, животная невозможность принять то, что под ней.

Он шагнул к носилкам. Санитары, растерявшись от его напора, переглянулись, и старший, поняв, что парень не отступит, кивнул напарнику: они опустили носилки на асфальт, чтобы освободить руки.

— Молодой человек, нельзя, — сказал второй санитар уже строже, выпрямляясь и выставляя руку, чтобы преградить путь, но Иван, не думая, не рассуждая, движимый чем-то, что было сильнее всякой рассудительности, откинул край простыни с лица Леонида.

Лицо было бледным, почти серым, с той особой, окончательной неподвижностью, которую невозможно спутать со сном. Губы чуть приоткрыты, глаза закрыты, будто он просто задремал на середине фразы. Иван смотрел на это лицо — на лицо человека, с которым учился, который называл его «пастырем» и «преподобным», который всего три неде-

ли назад говорил, что голова становится слишком громкой, — и почувствовал, как из самой глубины груди поднимается что-то, чему он не мог подобрать названия: не молитва, не команда, а какая-то абсолютная, не терпящая возражений уверенность.

— Встань, — сказал он.

Голос прозвучал тихо, почти шёпотом, но в наступившей вокруг тишине — а тишина наступила, потому что даже толпа, даже санитары на секунду замерли перед этой странной, немыслимой сценой, — его слышали все.

Ничего не произошло.

Секунда растянулась, будто время споткнулось само о себя. Иван сел на корточки, положив ладонь на грудь Леонида, чувствуя под пальцами ткань футболки и абсолютную, пугающую неподвижность под ней, и снова, уже громче, почти в отчаянии, повторил:

— Встань!

* * *

Тело под его ладонью вздрогнуло.

Не мелкой судорогой, не спазмом — а полноценным, глубоким движением, будто что-то невидимое рывком вернулось на место. Грудная клетка Леонида резко поднялась, он судорожно, с хриплым, режущим звуком, втянул воздух — так дышат люди, вынырнувшие из-под воды после слишком

долгого погружения, — и открыл глаза.

Несколько мгновений он просто смотрел в небо над собой, часто моргая, ничего не понимая, а потом перевёл взгляд на Ивана, склонившегося над ним, и в этом взгляде смешались все возможные виды ужаса и смятения сразу.

— Ваня? — прохрипел он, и голос был тихим, надтреснутым, будто им давно не пользовались. — Что... где я?

Толпа за спиной Ивана ахнула единым, коллективным вздохом. Кто-то вскрикнул. Женщина с пакетами уронила один из них, и по асфальту покатались яблоки, никем не замеченные. Один из санитаров — тот, что помоложе, — отшатнулся на шаг назад, белый как мел, и просто повторял: «Этого не может быть, этого не может быть», а второй, старший, опустился на корточки рядом с носилками и трясущимися руками попытался нащупать пульс на запястье Леонида, будто отказываясь верить собственным глазам без дополнительного подтверждения.

— Есть пульс, — прошептал он наконец, глядя не на Леонида, а на Ивана снизу вверх с выражением, которое трудно было назвать иначе, чем страхом. — У него есть пульс.

* * *

Леонид попытался сесть, закашлялся, схватился за грудь, и Иван, опомнившись, помог ему подняться, поддерживая под спину, чувствуя, как у самого дрожат руки — не от уси-

лия, а от того, что происходило в его собственной голове, которая отказывалась соединить две вещи: минуту назад холодное, неподвижное лицо и сейчас — тёплое, дрожащее тело живого человека, вцепившегося в его рукав.

— Я умер? — тихо спросил Леонид, глядя на Ивана снизу вверх широко раскрытыми, всё ещё мутными от только что пережитого глазами. — Ваня, я что, только что умер?

Иван не мог ответить. У него не было слов — ни для Леонида, ни для толпы, ни для самого себя. Он просто кивнул, чувствуя, как по щекам, безо всякого его на то согласия, потекли слёзы — то ли от облегчения, то ли от того же самого первобытного, необъяснимого ужаса, который читался сейчас на лицах всех вокруг.

Парень в спортивных штанах так и не опустил телефон — он снял всё, от начала до конца: и простыню, и слово «встань», и вздох толпы, и трясущиеся руки санитаря, нащупывающего пульс. Его звали Серёга — простой парень с четвёртого этажа, работавший вечерами в пункте выдачи заказов, — и он, разумеется, тогда ещё не подозревал, что это самое видео, снятое трясущимися от волнения руками, изменит не только его собственную скромную жизнь, но и, в определённом смысле, дальнейший ход событий в стране.

Санитары, придя в себя, всё же настояли на том, чтобы забрать Леонида в больницу — «для обследования, вы же понимаете, такое нельзя просто так оставить», — и он, всё ещё слабый, оглушённый, позволил усадить себя обратно на

носилки, уже сам, своими ногами, а не в качестве тела. Уже в машине, перед тем как двери захлопнулись, он успел ещё раз поймать взгляд Ивана, стоявшего на асфальте среди притихшей, ошеломлённой толпы, и произнёс одними губами, почти беззвучно:

— Спасибо.

Скорая уехала, толпа медленно, неохотно начала расходиться, всё ещё вполголоса обсуждая увиденное, а Иван остался стоять на месте, глядя на пустой асфальт, где секунду назад лежали носилки, и на смятую, отброшенную в сторону серую простыню — единственное, что осталось от произошедшего, кроме памяти нескольких десятков случайных свидетелей и записи в телефоне парня с четвёртого этажа.

Он ещё не знал, что эта запись уже отправлена в общий домовый чат — «просто чтобы соседи знали, что тут случилось», как напишет потом Серёга в комментариях, — а из домового чата, как это обычно и бывает, ей понадобится меньше часа, чтобы оказаться сначала в одном городском паблике, потом в другом, а к вечеру — во всех новос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.